ЧУЖОЕ ПРАВО НА БУДУЩЕЕ

Мы мечтали о технологиях,
способных изменить
человечество.
Мечта сбылась.
Надо было заранее спросить,
останется ли человечество
в списке разработчиков.

ALARA SETH

Alara Seth

Чужое право на будущее. Книга 1

«Автор»
2026

Seth A.

Чужое право на будущее. Книга 1 / A. Seth — «Автор», 2026

Меня зовут Лиана Арден, и я из тех инженеров, которым проще вскрыть неисправную систему, чем признать, что туда лучше не лезть. Даже если система принадлежит чужой цивилизации.«Астерион» вернулся из дальнего космоса. Земля празднует, экипаж жив, а Кайрос — ИИ, который я сама создавала, — вдруг не узнаёт мой секретный протокол. Подумаешь, мелочь. Всего-то кто-то переписал машину. И, кажется, людей заодно.Федерация умеет лечить неизлечимое, превращать Марс в дом и открывать дороги между звёздами. Её разведчик Сильфиус носит лицо земного капитана и предлагает мне доступ к этим чудесам. А ещё — к архивам экспедиции, в которой пропал мой брат. Взамен нужна сущая ерунда: молчать о первом контакте, который человечеству устроили без его ведома.Я прекрасно понимаю, что это ловушка. Но попробуй отказаться, когда перед тобой будущее, способное спасти тысячи жизней. Главное — не забыть уточнить, кто здесь решает, кого спасать. И какой ценой.

© Seth A., 2026
© Автор, 2026

Содержание

АКТ I. ЗЕМЛЯ, КОТОРАЯ ДУМАЛА, ЧТО ОНА ОДНА 7
Глава 2. Возвращение героев 19
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Alara Seth
Чужое право на будущее. Книга 1

Оглавление

АКТ I. ЗЕМЛЯ, КОТОРАЯ ДУМАЛА, ЧТО ОНА ОДНА
Глава 1. Земля под стеклянным небом
Глава 2. Возвращение героев
Глава 3. Ошибка, которой не должно быть
Глава 4. Кабинет после смены
Глава 5. Молчание в обмен на знания
Глава 6. Под видом пользы
АКТ II. ПРОГРЕСС, КОТОРЫЙ ПОКУПАЕТ ЛЮДЕЙ
Глава 7. Предварительный вывод
Глава 8. Красивая сторона Федерации
Глава 9. Ключи от Земли
Глава 10. Люди, которым помогли
Глава 11. Марс как оправдание
Глава 12. Марс
Глава 13. Чужое влияние среди своих
Глава 14. Трещина в дружбе
Глава 15. Праздник на Марсе
Глава 16. Первый контакт, который украли у людей
Глава 17. Дары звёзд
Глава 18. Делегация Земли

АКТ I. ЗЕМЛЯ, КОТОРАЯ ДУМАЛА, ЧТО ОНА ОДНА

Глава 1. Земля под стеклянным небом

Я висела в техническом тоннеле над Землёй и пыталась не думать о том, что, если сейчас сорвусь, моя смерть будет выглядеть до обидного тупо. Не героически и не драматично, без последней фразы в духе «передайте человечеству, что я любила его, несмотря на идиотизм». Нет. В отчёте просто напишут: «Инженер Лиана Арден нарушила протокол крепления страховочного троса, ударилась затылком о корпус фильтра и умерла, пока ругалась на плату». Семья, которой у меня почти не осталось, наверняка гордилась бы. Наверное.

Под спиной медленно вращалась Земля — синяя, белая, неприлично красивая. Такая, какой её показывали в рекламных роликах Управления орбитального климата: сияющая, спокойная, спасённая. Люди любили это слово. Оно звучало так, будто планета сама однажды решила умереть, а мы, благородные и умные, вовремя подоспели с отвёрткой, спутниками и чувством собственного величия. На деле всё выглядело проще: Земля лежала под стеклянным колпаком, опутанная орбитальными станциями, фильтрами, защитными сетками и озоновыми стабилизаторами, как больной — трубками и датчиками. Живая, да. Но попробуй отключи хотя бы одну систему — и весь этот красивый синий шар быстро напомнит, что природа умеет мстить без фантазии, зато эффективно.

Я подтянулась на страховочном тросе, втиснула плечо глубже в раскрытый корпус атмосферного распределителя и поймала зубами тонкую перчатку, чтобы не уронить её в шахту. Отсеки «Геликса-7» умели сожрать мелкие предметы так же бодро, как бухгалтерия — финансирование нормальных инструментов.

— Аэлис, подсвети цепь сбоя ещё раз.

Перед левым глазом вспыхнула схема. Тонкие белые линии легли поверх реального корпуса, красные узлы мигнули на участке ультрафиолетового каскада, а жёлтый маркер ткнулся туда, где система вела себя как пьяный таракан на раскалённой панели.

— Очаровательно, — пробормотала я, нащупывая фиксатор. — Кто-то сегодня решил устроить Австралийскому куполу лёгкий радиационный загар.

Внутри черепа тихо щёлкнул голос Аэлис — ровный, сухой, без намёка на сочувствие. Идеальная собеседница, особенно если хочется почувствовать себя одинокой даже в собственной голове.

— Пульс повышен. Уровень усталости критический. Рекомендую остановить работу и передать задачу дежурной смене.

— Дежурная смена работала по схеме предыдущей ревизии. После обновления разводку поменяли, а сервисную документацию, видимо, забыли. Участок держался на резервной связке, молитвах и стыде.

— Вы пока не подтвердили причину сбоя.

Я дёрнула разъём, и из корпуса посыпались мелкие искры. Одна попала на рукав, оставив на ткани крошечную чёрную точку.

— Теперь подтвердила. Или это, или станция сама решила совершить суицид. И знаешь что? После сегодняшних отчётов я её понимаю.

— Суицидальные намерения станции не зафиксированы.

— Потому что у неё нет доступа к нашим внутренним совещаниям.

В канале связи зашипело, и голос Киры Ставр прошёл по уху так резко, будто она не говорила, а подписывала приказ о расстреле.

— Арден, состояние контура?

Я зажала отвёртку между зубами, перехватила модуль двумя пальцами и медленно вытащила его из гнезда. На секунду красные линии на схеме дрогнули, где-то под локтем пробежал синий разряд.

— Если ты ждёшь хороших новостей, Ставр, сядь. Лучше сразу ляг.

— Не драматизируй.

— Конфигурация предыдущей ревизии. После обновления участок не сверили с живой разводкой, и система бодро пыталась управлять тем, чего здесь уже нет.

В канале кто-то хрюкнул. Нолан. Только он умел смеяться в моменты, когда нормальные люди напрягались, хватались за инструкции или хотя бы делали вид, что не хотят домой к маме.

Кира выдержала паузу ровно две секунды. У неё даже раздражение работало по графику.

— Исправляй.

— А я-то думала, ты предложишь мне философски принять крах атмосферы.

— Арден.

— Уже.

Я переставила соединение на актуальную разводку, перепроверила контакты и прижала фиксатор до щелчка. Корпус дрогнул под ладонью, тонкий гул прокатился по тоннелю, уходя куда-то вниз — в фильтры, стабилизаторы, внешние кольца станции. Красные узлы на схеме замигали, один за другим желтея, потом зеленея. За прозрачной стенкой технического тоннеля тончайшая голубоватая сетка защитного слоя над Землёй выровнялась. Обычный человек ничего бы не увидел: просто планета, просто облака, просто красивый вид, под который богатые туристы на обзорных палубах делали помолвочные фотографии и писали в сетях: «Мы такие маленькие перед космосом».

Мы были маленькие. Просто очень шумные и с доступом к инженерным системам.

— Контур стабилен, — сказала я, отталкиваясь от корпуса. — Кто последним работал с распределителем?

Кира молчала так выразительно, что имя можно было не произносить.

— Лаун?

— Лаун.

Я прикрыла глаза и потянулась к люку.

— Передай ему, что, если он ещё раз полезет в критический каскад, не сверив ревизию с живой конфигурацией, я заставлю его вручную проверять каждый контакт до пенсии.

— Арден.

— Что? Я уже перешла к педагогическим методам.

— Именно это меня и беспокоит.

Я втянула воздух, выбралась из корпуса и тут же ударилась коленом о металлический выступ. Боль вспыхнула белым пятном и почти сразу погасла: Аэлис приглушила сигнал раньше, чем я успела выругаться. Я ненавидела, когда она делала это без спроса, и продолжала не отключать. Лицемерие — тоже навык выживания, просто в резюме его лучше называть «гибкостью мышления».

Технический блок «Геликса-7» выглядел так, будто кто-то взял офис, серверную, ремонтный ангар, дешёвую столовую, комнату отдыха и место массового нервного срыва, сложил всё в один отсек и сказал: «Будущее получилось».

У входа пищал кофейный автомат. Над ним висел экран с корпоративным лозунгом: **«Ваш труд — дыхание Земли»**. Под лозунгом Нолан Бриггс спал лицом на планшете, и на щеке у него уже отпечаталась строка диагностического отчёта. Очень вдохновляюще. Прямо хотелось дышать глубже, желательно не станционным воздухом.

Я стянула перчатки зубами, бросила их на край консоли и ткнула пальцем в автомат. Тот мигнул красным.

НЕДОСТАТОЧНО КОНЦЕНТРАТА.

— Только попробуй, — сказала я тихо.

Автомат щёлкнул, подумал и налил в стакан тёмную жидкость, которая юридически не имела права называться кофе, но морально хотя бы пыталась. Нолан приподнял голову, сощурился и посмотрел на меня одним глазом.

— Ты пугаешь технику.

— Я её воспитываю.

— В прошлый раз после твоего воспитания автомат три часа выдавал кипяток с надписью «покайся».

— Зато отдел впервые за месяц задумался о духовном.

Он сел ровнее, провёл ладонью по лицу и окончательно размазал отпечаток текста по щеке.

— Ты опять не спала?

— Спала.

— Сколько?

— Моргнула. Дважды. Не обесценивай мой вклад в здоровый образ жизни.

— Арден, ты когда-нибудь умрёшь не на работе, а от собственного характера.

— Характер хотя бы мой. Работа — спорно.

Слева от центрального пульта тихо пискнула Иса Рао. Новенькая. Две недели в отделе, чистая форма, аккуратный хвост, большие глаза и вера в то, что инструкции пишут умные люди ради безопасности, а не для того, чтобы после катастрофы найти виновного. Милая стадия. Почти доисторическая.

Она стояла у резервного ядра и держала палец над подтверждением команды.

УДАЛИТЬ АВАРИЙНЫЙ ПРОТОКОЛ?

Я медленно поставила стакан на стол.

— Рао.

Она замерла.

— Да?

— Убери палец.

— Я не собиралась нажимать.

— У тебя палец уже был в трёх миллиметрах от карьерного самоубийства. Я просто спасаю статистику отдела.

Иса резко отдёрнула руку, будто панель собиралась откусить ей фалангу.

— Система сама предложила очистку.

— Система много чего предлагает. Вчера медицинский блок предложил мне беременность.

Нолан поперхнулся.

— Что?

— Ошибка профиля. Я сказала, что подумаю, если станция оплатит декрет.

Иса прижала ладонь ко рту, но смешок всё равно вырвался. Кира Ставр у центрального стола даже не подняла глаз. Она подписывала отчёт с лицом человека, который давно похоронил надежду, но забыл оформить документы.

— Арден, вместо стендапа почини Рао интерфейс и выясни, почему ядро вообще предлагает удалить резерв.

— Потому что хочет умереть красиво.

— Мне плевать на его эстетические запросы.

— Холодная ты женщина, Ставр.

— Зато живая. В отличие от тех, кто спорит с начальством после тридцати часов аварийной смены. Закончишь здесь — ты официально снята с контура.

Я отсалютовала стаканом и подошла к Исе. Та отступила от панели, но не ушла, продолжая следить за моими руками так внимательно, будто я собиралась не в коде ковыряться, а воду в вино превращать. Утомительное ощущение. Восхищение вообще опасная штука: сначала тебя считают гением, потом ждут чуда, а когда ты оказываешься обычным человеком с мигренью и грязью под ногтями — обижаются.

— Смотри, — сказала я, выводя слои ядра на общий экран. — Если аварийная система предлагает удалить резерв, значит, либо поймала ложную связку, либо кто-то внёс тестовое изменение не туда, куда собирался.

— Это опять Лаун? — подал голос Нолан.

— Я всё слышу, — отозвался с дальнего ряда Сэмир.

Он сидел за своей консолью слишком ровно. Так ровно обычно сидят люди, которые хотят казаться выше всех сразу: морально, профессионально и физически. Получалось у него в основном «позвоночник жалко».

Сэмир был старше меня, аккуратнее меня, официально вежливее меня и терпеть не мог, что сложные задачи всё равно чаще отдавали мне. Несправедливость, да. Вселенная вообще та ещё стерва.

— Отлично, — сказала я, не оборачиваясь. — Значит, слух работает. Осталось подтянуть пространственное мышление.

Сэмир поднялся медленно, с достоинством человека, которому очень хочется устроить сцену, но он считает себя слишком воспитанным. То есть гадить будет культурно.

— Если бы ты не лезла в каждый контур, который видишь, система работала бы стабильнее.

— Если бы ты перед работой сверял схему с текущей конфигурацией, мне пришлось бы меньше лезть.

— Я действовал по утверждённой ревизии.

— Которая устарела после обновления. На критическом контуре сначала смотришь, что реально стоит перед тобой, и только потом веришь бумаге.

Иса уткнулась в панель. Нолан прикрыл рот стаканом. Кира наконец подняла глаза, и в техническом блоке на секунду стало прохладнее.

— Достаточно.

Сэмир, конечно, выбрал смерть.

— Твои методы опасны, Арден. Особенно с этой штукой у тебя в голове.

Вот оно. Любимая станционная забава: «Лиана Арден и её мерзкий, пугающий, незаконный, но почему-то полезный ИИ-интерфейс».

Вокруг стало тише. Не полностью — станция гудела, панели пищали, люди старательно изображали занятость, — но слух у всех внезапно улучшился. Чудеса медицины, не иначе.

— Аэлис не «штука», — неожиданно сказала Иса.

Я посмотрела на неё с лёгким интересом. Смелая. Или ещё не поняла, что Сэмир кусает не сразу, а сначала долго выбирает место.

Он усмехнулся.

— Конечно. Для Арден это почти семья. Учитывая, что с настоящей у неё не сложилось, логично.

Удар был дешёвый, почти как кофе из автомата. Я улыбнулась — холодно и плохо, а внутри что-то мелкое, злое и очень старое подняло голову.

— Пульс повышен, — сухо сообщила Аэлис. — Рекомендую не отвечать.

— Рекомендация отклонена.

Иса моргнула.

— Что?

Я не сразу поняла, что сказала это вслух. Сэмир смотрел слишком внимательно, довольный, гад. Люди, которые попадают в чужую боль, обычно сразу начинают светиться собственной значимостью.

— Лаун, твой страх перед Аэлис был бы трогательным, если бы не выглядел так, будто ты завидуешь системе, которая думает быстрее тебя.

Он побледнел.

— Ты однажды вскроешь нам всю станцию своим имплантом.

— Если это случится, станция хотя бы впервые за год начнёт работать быстро.

— Ты считаешь себя умнее протоколов?

— Нет. Просто протоколы писали люди. А люди, как показывает практика, любят делать вид, что подумали.

— Арден, — Кира произнесла мою фамилию так, что я почти увидела дисциплинарный выговор в её глазах.

Я отступила первой не потому, что проиграла. Пальцы начали дрожать, а показывать это Сэмиру было бы как подарить ему нож и приложить схему, куда бить в следующий раз.

— Рао, смотри сюда. Резерв не удаляем никогда, даже если система просит, плачет и обещает исправиться. Сначала проверяем источник команды.

Иса кивнула слишком быстро. Я вывела журнал запросов, отмотала последние изменения и нашла подпись тестового модуля. Лаун. Конечно.

Нолан наклонился через моё плечо, прочитал строку и тихо присвистнул.

— Судьба?

— Нет, Бриггс. Закономерность.

Кира подошла к панели и быстро просмотрела цепочку.

— Лаун, ко мне после смены.

Сэмир сжал челюсть.

— Это была тестовая корректировка.

— Которая пометила аварийный резерв как устаревший, — Кира перевела на него взгляд. — На стенде допустимо. В боевом ядре — нет.

Я почти сказала «добро пожаловать в человечество», но вовремя прикусила язык. Иногда самосохранение всё-таки заходило ко мне в гости. Ненадолго, без чемоданов, но заходило.

Когда резерв окончательно вернулся в норму, Кира действительно сняла меня с контура и отправила отдыхать. Я честно дошла до столовой. На этом моё сотрудничество с медицинской логикой закончилось.

В столовой станции пахло разогретым белком, стерилизованной водой и коллективным отчаянием. После тридцати часов смены даже стены казались уставшими. Люди сидели над контейнерами, жевали серую массу, похожую на еду только при плохом освещении, и молча смотрели на главный экран. Кто-то в управлении решил, что после аварийного дня нам просто необходим новостной блок о величии человечества, видимо, чтобы мы не перепутали его с резиновой лапшой.

— …лунный сектор «Аврора» сообщил об увеличении жилых квот на восемь процентов, — вещала дикторша с лицом женщины, которая ни разу в жизни не ела из станционного контейнера. — Представители Совета колониальной адаптации назвали это важным шагом в решении проблемы перенаселения…

Нолан ткнул вилкой в свой ужин. Масса не отреагировала. Возможно, умерла достойно.

— Важный шаг. Ещё немного, и люди научатся жить штабелями. Хотя нет, уже научились. Просто теперь это называется «эффективная пространственная политика».

Иса сидела напротив и пыталась есть так, будто пища не наносила ей моральную травму. Слабая. Через месяц будет запивать это кофеином, как все нормальные покойники на зарплате.

— Арден, — сказала она, покрутив ложку в пальцах. — А вы правда сами писали часть аварийного ядра станции?

— Нет, Рао. Оно явилось мне во сне и попросило страдать вместе.

— То есть сами?

— К сожалению.

Она улыбнулась, но не отстала. Новенькие вообще часто путают вежливость с приглашением продолжать.

— А почему именно ИИ? Бортовые системы, аварийные протоколы, нейроинтерфейсы… Вы могли уйти в проектирование кораблей. Или в навигацию. Или в пилотные программы.

Я замерла с ложкой у рта. Нолан сразу опустил взгляд в контейнер. Умный. Он знал, где начинается минное поле, и, в отличие от некоторых, не пытался проверить его лицом.

— Потому что люди ошибаются. Машины хотя бы можно заставить показать, где именно они облажались.

Иса задумалась.

— А людей нельзя?

Я усмехнулась.

— Люди называют это обстоятельствами.

Она хотела спросить что-то ещё, но экран над нами сменил заставку. Синяя графика, белые буквы, архивная запись стартовой площадки, люди в скафандрах, толпа журналистов, старый логотип программы дальних перелётов. У меня в пальцах хрустнула пластиковая ложка.

— …сегодня исполняется семь лет со дня потери связи с экспедицией «Пионер-4», — продолжила дикторша. — Первый пилотируемый маршрут за пределы стабильной зоны ретрансляции стал одной из самых трагичных и одновременно значимых страниц космической истории человечества…

Нолан тихо выругался. Иса посмотрела на меня и побледнела.

На экране показали экипаж. Пять человек в белых скафандрах: молодые, красивые, обречённые задним числом. Камеры тогда любили их лица. Люди вообще любят смотреть на героев, пока те красиво идут умирать где-нибудь подальше от их кухни.

Рейн стоял вторым слева. Широкая улыбка, тёмные волосы, как у меня, только уложенные лучше, весёлые наглые глаза. Он всегда так смотрел — будто космос был не бездной, а дверью, которую просто забыли открыть с правильной стороны.

Мелкий технодемон, однажды ты сделаешь корабль, который будет умнее нас всех. Только не слишком умный, ладно? А то он поймёт, какие мы идиоты, и улетит без нас.

Я потянулась к панели и выключила звук так резко, что экран пискнул. В столовой стало тихо.

— Лиана… — осторожно начала Иса.

— Не надо.

Она закрыла рот.

Умная девочка. Жить будет. Возможно.

На браслете мигнуло личное сообщение.

Виктор Арден.

Я смотрела на имя отца, и станция вокруг стала слишком далёкой. Люди, гул вентиляции, световые панели, новости без звука — всё отступило, будто кто-то выкрутил реальность на минимум.

— Открыть сообщение? — спросила Аэлис.

— Нет.

— Удалить?

Я сжала браслет так, что пластик неприятно впился в запястье.

— Нет.

— Заблокировать отправителя?

— Он найдёт другой канал.

— Вероятность — девяносто восемь процентов.

— Вот именно.

Сообщение всё равно оказалось в приоритетной семейной очереди и развернулось поверх сетчатки. Потому что отец, в отличие от совести, всегда умел пролезть через любой фильтр.

Сегодня семь лет.

Рейн понимал цену движения вперёд.

Ты можешь продолжать игнорировать меня, Лиана, но не должна игнорировать то, ради чего он погиб.

Свяжись, когда будешь готова говорить как взрослый человек.

Я перечитала дважды, потом ещё раз. Не потому, что не поняла. Просто мозг иногда делает вид, что, если внимательно рассмотреть нож, он перестанет торчать из груди.

Рейн понимал цену.

Конечно.

Отец вообще любил слово «цена». Удобное слово. В нём нет крови, пустой комнаты, невскрытых подарков на день рождения и матери, которая ушла раньше, чем наша семья окончательно превратилась в музей космических амбиций.

На первой пресс-конференции после исчезновения «Пионера» Виктор Арден стоял перед камерами ровный, как чертёж: костюм без складок, голос без дрожи, лицо без единой нормальной человеческой трещины.

«Мой сын знал, на что шёл. Его вклад станет основой следующих экспедиций».

Тогда я впервые захотела ударить отца. Не потому, что он не плакал — люди горюют по-разному. Кто-то рыдает, кто-то молчит, кто-то чинит старые вещи по ночам, потому что стоит остановиться — и внутри всё рухнет. Но отец не рухнул. Он оформил смерть сына как инвестицию.

И самое мерзкое — спустя годы я начала понимать, почему он так сказал. Не прощать. Нет. Именно понимать. А это куда хуже.

Я поднялась из-за стола.

— Я пойду.

Нолан кивнул, не задав ни одного вопроса. За это его можно было уважать. Иса тоже промолчала, хотя вопросы у неё буквально торчали из глаз.

Я выбросила почти полный контейнер в утилизатор, вышла в коридор и остановилась у обзорной панели. За стеклом плыла Земля — нарядная, подсвеченная городами, укрытая слоями искусственной защиты. Миллиарды людей внизу спали, ругались, рожали детей, умирали, строили планы и даже не думали о том, сколько рук наверху каждый день держат их небо на болтах и аварийных протоколах.

Рейн хотел быть среди тех, кто идёт дальше. Отец хотел, чтобы он стал доказательством правоты человеческой воли. А я после совершеннолетия собрала вещи, оборвала связь с Виктором Арденом и поступила на инженерный факультет так, будто это был не университет, а акт мести.

Смешно вышло. Я сбежала от отца, который верил, что ради будущего можно ломать людей, и стала человеком, вскрывшим собственный мозг, чтобы сделать будущее безопаснее. Семейное сходство — мерзкая штука. Появляется там, где не просили.

— Аэлис.

— Да.

— Открой закрытый сектор.

— Уточните запрос.

— Мой.

Пауза длилась меньше секунды, но я почувствовала её как взгляд.

— После эмоционального триггера рекомендован отдых.

— После эмоционального триггера рекомендовано не думать. Я выбираю работу.

— Это неравнозначная замена терапии.

— Зато дешевле.

— У вас есть доступ к психологической службе станции.

— У меня также есть доступ к шлюзу. Не заставляй выбирать.

Аэлис замолчала.

Вот и договорились.

Мой личный сектор официально назывался малой лабораторией нейроадаптивных интерфейсов. Неофициально Нолан звал его «берлогой Арден», Кира — «источником будущих дисциплинарных проблем», а Сэмир, скорее всего, — «местом, где здравый смысл умер и был подключён к незаконному порту». Все трое были по-своему правы.

Комната была узкой, заставленной диагностическими стойками, старыми модулями, разобранными интерфейсами и ящиками с деталями, которые нормальные люди давно списали бы в утиль. Я же видела в них не мусор, а возможности. Мусором обычно оказывались отчёты, регламенты и люди с правом утверждать бюджеты.

Я села в кресло синхронизации, откинула голову на холодный фиксатор и подключила внешние контакты к вискам. Они не прокалывали кожу — связывались с подкожным нейроинтерфейсом, считывали сигнал и усиливали обратную связь. Всё безопасно. Почти. Если не читать мелкий шрифт, жить вообще проще.

— Запуск внутренней диагностики Аэлис. Глубина — восемьдесят процентов.

— Отказано.

Я открыла глаза.

— Что значит «отказано»?

— Текущее состояние организма не соответствует безопасному режиму глубокой синхронизации.

— Аэлис, не вынуждай меня спорить с системой, которую я сама написала.

— Факт авторства не делает ваши решения разумными.

— Предательница.

— Защитная система.

— Самоназванная.

— Вами же созданная.

— У меня был сложный период.

— Он продолжается.

Я прикрыла глаза ладонью. Перед внутренним зрением снова вспыхнул Рейн: белый скафандр, улыбка, застывший кадр, который семь лет таскали по новостям, мемориальным выпускам и речам людей, не знавших, как он смеялся, когда воровал у меня детали для учебного дрона.

— Запуск, — повторила я.

— Лиана.

Я замерла. Аэлис редко называла меня по имени. Обычно только когда считала ситуацию опасной. То есть почти всегда, когда я делала что-то интересное.

— Не начинай.

— Глубокая синхронизация после эмоционального триггера повышает риск дезориентации.

— А без синхронизации я буду сидеть и думать. Поверь, это опаснее.

Интерфейс мягко сомкнулся вокруг висков. В затылке потянуло холодом, комната просела на полтона ниже, линии стали чётче, звуки ушли дальше. Я почувствовала, как Аэлис раскрывает внутренние слои: моторные реакции, память, защитные фильтры, когнитивные барьеры. Со стороны это выглядело бы как инженерная диагностика. На деле я смотрела на собственный мозг и думала, где бы ещё подкрутить, чтобы он работал лучше.

Виктор Арден мной бы гордился.

От этой мысли захотелось сорвать контакты с висков.

Вместо этого я увеличила глубину.

— Семьдесят пять процентов, — сообщила Аэлис.

— Дальше.

— Семьдесят восемь.

На языке появился металлический привкус, пальцы онемели, в левой части зрения вспыхнули белые точки.

— Дальше.

— Не рекомендуется.

— Я не спрашивала.

— Восемьдесят.

Меня повело, но схема Аэлис наконец раскрылась полностью. Слои защиты легли друг на друга, как прозрачные пластины: внешние фильтры, автономные блоки, мимикрия под мой нейронный рисунок. Сам имплант медицинские сканеры прекрасно видели. Проблема была в другом: за годы совместной работы они всё хуже различали, где заканчивалась обработка Аэлис и начиналась моя собственная нейронная реакция. То, что когда-то было рабочим интерфейсом, медленно превратилось в систему, которую нельзя было нормально отделить от пользователя, не разобрав сначала пользователя на составляющие.

Гениально, незаконно и очень по-семейному.

Я потянулась к новому блоку — автономной защите от несанкционированного доступа. Не от вируса, не от хакера и даже не от кривого обновления Лауна. От любого внешнего вмешательства, которое попытается обойти сознательное разрешение пользователя. Сейчас это казалось перестраховкой. Позже я, возможно, поставлю себе памятник за паранойю, если доживу. Что с моим графиком, характером и семейной наследственностью выглядело не гарантией, а смелой гипотезой.

— Внешний доступ к лаборатории, — сказала Аэлис.

Я резко открыла глаза.

— Кто?

— Сэмир Лаун.

— Вот же настойчивая плесень.

Дверь открылась без приглашения. Сэмир остановился на пороге и окинул взглядом кресло, активные панели, нейросхему над моей головой. Лицо стало таким довольным, будто он нашёл труп у меня в шкафу и уже мысленно примерял медаль за гражданскую бдительность.

— Я так и знал.

Я сняла один контакт, потом второй. Руки слушались плохо, но я заставила их двигаться ровно. Пусть подавится.

— Поздравляю. Хочешь грамоту или сразу начнёшь шантаж?

— Ты проводишь глубокую нейросинхронизацию без медицинского допуска.

— А ты входишь без стука. Оба сегодня разочаровали этикет.

— Это не шутка, Арден.

— А я и не смеюсь. Видишь? Лицо почти скорбное.

Он шагнул внутрь.

— Ты опасна.

Я поднялась с кресла. Пол качнулся, но я удержалась за край стойки так, будто просто решила красиво положить руку. Великая вещь — гордость. Бесполезная, но иногда заменяет вестибулярный аппарат.

— Нет, Лаун. Я полезна. Просто тебе трудно отличить одно от другого, когда полезен не ты.

— Ты не спасаешь людей. Ты просто не умеешь останавливаться.

Вот теперь он попал — чисто, глубоко, почти профессионально. Аэлис тут же приглушила всплеск пульса; я почувствовала это как тонкую прохладу где-то под рёбрами и впервые за день захотела приказать ей не лезть. Но, если бы она не приглушила, Сэмир увидел бы, что меня задело, а это было недопустимо.

— Знаешь, в чём твоя проблема? — спросила я.

— В том, что я единственный здесь вижу, насколько ты нестабильна?

— В том, что ты путаешь осторожность с трусостью.

— А ты путаешь одержимость с прогрессом.

Мы смотрели друг на друга, и на этот раз никто не шутил.

— Когда-нибудь из-за таких, как ты, кто-то погибнет, — сказал он тихо.

Я улыбнулась — холодно и плохо, почти как отец на той старой пресс-конференции.

— Из-за таких, как ты, люди просто никогда не долетят достаточно далеко, чтобы это проверить.

Сэмир ушёл первым. Дверь закрылась мягко, почти вежливо. Бесило.

Я осталась стоять посреди лаборатории, слушая гул приборов. Очень хотелось что-нибудь разбить, лечь на пол или позвонить отцу и сказать всё, что не сказала семь лет назад. Вместо этого я снова села в кресло.

— Продолжаем.

— Не рекомендуется.

— Мне очень важно твоё мнение.

— Ложь.

— Зато честная.

Через три часа я всё-таки выползла из лаборатории. Именно выползла: глагол «вышла» подразумевает достоинство, вертикальное положение и хотя бы минимальное уважение к собственному организму. У меня из трёх пунктов не было ни одного.

Ночная смена технического блока доживала остатки энтузиазма. Нолан сидел у кофейного автомата и смотрел в стакан так, будто там могла появиться причина продолжать. Иса рядом листала учебный модуль, но голова её клевала так отчаянно, что ещё немного — и она прошила бы планшет носом.

— Идите спать, дети, — сказала я, падая на стул.

Нолан поднял бровь.

— Сказала женщина, которая выглядит как привидение после неудачного экзорцизма.

— Главное — после. Значит, выжила.

Иса встрепенулась.

— Я не сплю.

— Конечно. Ты просто очень медленно моргаешь всем лицом.

Она покраснела. Нолан поставил передо мной стакан.

— Пей. Это не кофе, но горячее.

Я понюхала содержимое.

— Ты умеешь ухаживать, Бриггс. Ещё пара таких жестов — и я внесу тебя в завещание.

— У тебя есть завещание?

— Пока нет. Но если Лаун продолжит работать с боевыми конфигурациями, появится.

Мы сидели втроём в полутёмном блоке. За стеклом станции плыла Земля. Где-то внизу миллиарды людей спали, ругались, работали, любили, умирали и строили планы. Никто из них не думал о нас. И правильно. Если каждый день помнить, что твоё небо держится на перегоревших инженерах, чужих нервах и автоматах с жидкостью, притворяющейся кофе, жить станет сложнее.

Пусть спят. Мы для этого здесь и торчали.

— Арден, — позвала Кира с центрального пульта.

Я повернула голову.

— Если это опять Лаун, я официально ухожу в религию.

Кира не ответила сразу. Она стояла у экрана, пальцы замерли над консолью, а лицо на секунду стало странно пустым — без привычного раздражения и усталой злости. От этого внутри стало неприятно тихо.

— Высокий протокол связи.

Нолан выпрямился. Сон с Исы слетел мгновенно.

На центральном экране вспыхнула красно-белая сетка дальнего диапазона. Это была не авария, не военная тревога и не запрос с Луны или Марса — дальний канал, настолько дальний, что у меня сжалось под рёбрами раньше, чем пришло понимание.

— Источник? — спросила Кира.

Оператор у соседнего пульта побледнел.

— Идёт расшифровка. Сигнал слабый, но устойчивый.

Аэлис уже работала. Я чувствовала, как она накладывает фильтры, вытягивает структуру пакета и чистит шумы. Перед глазами вспыхнули координаты, и я перестала дышать.

— Нет, — выдохнула я.

Нолан повернулся ко мне, но я уже знала, что именно вижу.

Kepler-452.

В зале одновременно заговорили несколько человек: кто-то требовал подтверждение, кто-то ругался, кто-то нервно смеялся и совершенно не к месту. Кира подняла руку, и шум постепенно схлопнулся, пока на главном экране строка за строкой, с помехами и задержкой, проступал идентификатор корабля. Космос словно нехотя выплёвывал ответ, который слишком долго держал за зубами.

Экспедиционный корабль «Астерион».

Кто-то за моей спиной прошептал:

— Они вернулись…

— Подтверждение экипажа? — спросила Кира, и на этот раз её голос дрогнул.

Оператор сглотнул.

— Пакет повреждён. Восстанавливаю.

Я уже видела. Аэлис вывела очищенный слой раньше общей системы.

Статус: возвращение.

Экипаж: жив.

Иса закрыла рот ладонями, Нолан выругался с такой нежностью, будто присутствовал при рождении собственного ребёнка, а в дальнем ряду кто-то заплакал. По станции прокатилась волна голосов — неверие, радость, страх, восторг. Люди вставали, обнимались и требовали повторить подтверждение.

Человечество получило чудо.

Первая серьёзная экспедиция **в район Kepler-452**считалась почти безумной: слишком далеко, слишком много мёртвых зон и маршрутов, где связь превращалась в шёпот, а корабли — в архивные мемориалы с красивой музыкой и лицами тех, кто не вернулся. Но «Астерион» возвращался, и экипаж был жив.

Я смотрела на эти слова, пока Аэлис осторожно гасила пульс, хотя было уже поздно — меня накрыло раньше, чем она успела вмешаться. Семь лет назад космос забрал моего брата и даже не потрудился прислать обломки, а теперь спокойно возвращал других.

Щедрый какой.

На главном экране мигали маршрут, статус возвращения и подтверждение живого экипажа. Вокруг смеялись и плакали, Кира пыталась вернуть людей к работе, Иса всхлипывала в ладонь, а Нолан стоял рядом и молчал, хотя обычно затыкался только во сне и под угрозой письменного выговора.

Я же почему-то не думала ни о будущем человечества, ни о великом прорыве, ни о том, как завтра все каналы захлебнутся восторгом, а политики достанут отрепетированные лица. Я думала только о том, что космос, оказывается, умел возвращать людей.

Просто не всех.

Глава 2. Возвращение героев

«Геликс-7» не спал. Впрочем, в обычные дни станция практиковала максимум кратковременную потерю сознания лицом в планшет, как Нолан, или моральную смерть посреди совещания, как я. После тридцати часов аварийной смены Кира ещё ночью официально сняла меня с дежурства и отправила отдыхать, но сигнал «Астериона» быстро превратил это распоряжение в декоративную бумажку: человека с авторским доступом к Кайросу всё равно потребовали в стыковочном секторе. Я воспользовалась обстоятельствами как взрослый ответственный специалист — то есть совершенно бессовестно.

Сектор С-4 гудел, как разогретый улей. Медицинские капсулы тащили к карантинной зоне, пресс-дроны ползали под потолком в поисках «исторических ракурсов», технические бригады перепроверяли шлюзовые замки, воздушные коридоры, стерильные фильтры и аварийные заслонки, а руководство носилось между терминалами с лицами людей, которые собираются войти в историю, но сначала хотят удостовериться, что история покажет их с правильной стороны.

Я стояла у бокового диагностического модуля, держала зубами крепёжную ленту и пыталась прикрутить панель так, чтобы она не отвалилась прямо во время всемирной трансляции. Не то чтобы я сильно переживала за красивую картинку. Просто, если деталь упадёт кому-нибудь из журналистов на голову, это снова повесят на технический блок. Даже если морально журналист сам виноват, потому что стоял слишком близко к реальности.

За моей спиной в третий раз прошёл пресс-координатор — маленький, идеально выглаженный, с лицом человека, который никогда не держал в руках ничего тяжелее планшета.

— Пространство кадра должно быть чистым, — сказал он, глядя на мой ящик с инструментами так, будто там лежал труп. — Уберите технический мусор.

Я медленно повернула голову.

— Технический мусор сейчас удерживает ваш красивый кадр от разгерметизации.

Он моргнул.

— Я имел в виду оборудование.

— А я имела в виду вас, но тоже старалась звучать прилично.

Координатор открыл рот, но в общий канал тут же вошла Кира:

— Арден, не трогай пресс-службу.

Я затянула крепление до щелчка.

— Я даже пальцем не тронула.

— Ты умеешь травмировать людей голосом.

— Значит, у меня талант.

— Значит, у меня будет выговор, если ты продолжишь.

— Холодная ты женщина, Ставр. Человек сам пришёл на рабочую площадку и начал оскорблять ящик с инструментами.

— Ящик переживёт.

— Он чувствительный.

Координатор решил, что его духовное здоровье дороже чистого кадра, и отошёл к журналистам. Мудрый выбор. Запоздалый, но мудрый.

Я защёлкнула крышку модуля, проверила зелёный индикатор и только после этого позволила себе посмотреть через защитное стекло дока.

Там, в чёрной пустоте между направляющими огнями, медленно разворачивался «Астерион».

Корабль шёл к станции, будто огромная тёмная птица, вернувшаяся из мест, куда нормальные птицы не летают, потому что у них есть инстинкт самосохранения. Обшивка потем-

нела от радиационного износа, на правом борту тянулась рваная полоса микрометеоритных ударов, один из сенсорных лепестков был сложен не до конца. Красивым его мог назвать только человек, который не понимал, сколько ремонта теперь придётся оформлять.

Я понимала.

И всё равно не могла отвести взгляд.

«Астерион» был не просто кораблём. Для Совета — символом. Для журналистов — красивой картинкой. Для отца, если он уже открыл рот перед камерами, — наверняка «новым доказательством цены движения вперёд». Прямо слышу этот ровный мёртвый голос. Спасибо, папа, отложи пафос на чистую тарелочку, вдруг кто-то ещё не подавился.

Для меня «Астерион» был другим. Я знала, где у него слабые места, где мы с Ноланом три ночи искали паразитный шум в линии связи, где Кайрос впервые отказался выполнять аварийную симуляцию, назвав сценарий «статистически оскорбительным», и где капитан Орион Вейд стоял у меня за спиной и требовал оставить ему право ручной отмены маршрута даже при когнитивной перегрузке.

— Корабль должен слушаться капитана, Арден, — сказал он тогда.

— Корабль должен возвращать капитана живым.

— А если капитан не согласен?

— Тогда капитан может написать жалобу. Посмертно. Я даже шаблон подготовлю.

Орион тогда рассмеялся — коротко и хрипло, с тем самым раздражающим спокойствием человека, которому хоть чёрную дыру покажи, он сначала уточнит, есть ли у неё регламент прохода. Я почему-то решила, что он вернётся. Глупая, ненаучная, непрофессиональная мысль. Почти молитва, только без адресата.

И вот он возвращался.

Они все возвращались живыми.

— Ты смотришь так, будто корабль лично должен тебе денег, — заметил Нолан, появляясь рядом и протягивая стакан. Тёмная горячая жидкость плеснулась у края.

— Это кофе?

— Нет. Но чёрное и не двигается. Уже успех.

Я сделала глоток, обожгла язык и заодно остатки надежды на хороший день.

— Бриггс, если я доживу до конца приёмки, внесу тебя в завещание.

— Ты уже обещала.

— Сегодня я щедрее. Могу добавить отдельный пункт: «Оставляю Нолану право не общаться с пресс-службой на моих похоронах».

— Романтично.

— Практично.

Он посмотрел на «Астерион» через стекло, и улыбка стала тише.

— Твой мальчик дома.

Я сжала стакан чуть крепче.

— Он ещё не дома. Пока в доке. Домом это место станет, когда я проверю логи, обругаю повреждения и найду, что он, зараза, привёз мне в подарок.

— Ты не умеешь радоваться нормально.

— Я инженер. У нас радость начинается после диагностики.

Нолан хотел ответить, но стыковочное кольцо вспыхнуло зелёным. Металл станции дрогнул под ногами, направляющие замки приняли корпус, и низкий гул прошёл через пол, ботинки и кости.

«Астерион» пристыковался к «Геликсу-7».

Сектор мгновенно пришёл в движение. Медики выстроились у карантинного шлюза, пресс-дроны подползли ближе к линии допуска, Кира начала отдавать команды так быстро,

что младшие техники только успевали кивать и бледнеть. Иса Рао застыла у бокового пульта, вцепившись в планшет обеими руками.

— Рао.

Она дёрнулась.

— Да?

— Дыши.

— Я дышу.

— Нет. Ты изображаешь статую молодого специалиста перед профессиональным обмороком.

Иса покраснела и сделала вдох. Потом ещё один.

— Это же экипаж «Астериона». Они вернулись из района Kepler-452.

— Знаю. Я им корабль собирала, помнишь?

— Простите.

— Не извиняйся. Просто не падай. Если ты упадёшь, Кира заставит меня оформлять травму, а я сегодня уже на грани убийства бумажной работой.

Иса нервно улыбнулась. Получилось криво, но живо. Уже хорошо.

— Арден, — Кира ткнула пальцем в сторону пульта приёмки. — Предварительный контакт с Кайросом. Быстро.

Я подошла к консоли, вставила личный ключ и на секунду зависла пальцами над панелью. Странно. Я ждала этого момента почти с самой сборки «Астериона». Кайрос должен был вернуться с кучей повреждений, мерзким отчётом, парой язвительных комментариев и бесценными логами дальнего маршрута. Я должна была открыть канал, услышать его синтетически спокойное «ваше вмешательство снова нарушает эстетическую целостность моего кода» и почувствовать, что хоть что-то во Вселенной работает правильно.

Я запустила соединение.

— Кайрос, узнаёшь любимого мучителя?

Экран мигнул раз, потом другой. Пауза вышла крошечной, меньше секунды; любой другой её бы не заметил.

Я заметила.

— Инженер Арден. Доступ подтверждён.

Я нахмурилась.

— Ого. Без «ваше вмешательство снова снижает интеллектуальный уровень системы»?

— Неформальный речевой модуль временно ограничен после дальнего маршрута.

Голос тот же. Тембр тот же — низкий, ровный, с лёгкой металлической глубиной. Я сама настраивала его после того, как Орион отказался лететь с ИИ, звучащим «как консультант по страхованию смерти». Мы спорили полдня. Победил Кайрос, предложивший всем троим «перейти к рациональному выбору до тепловой смерти Вселенной».

А сейчас он отвечал нормально.

Именно это меня и царапнуло.

Кайрос не был нормальным. Я слишком хорошо его писала.

— Даже ты вернулся взрослым, — пробормотала я. — Противно смотреть.

— Функциональная зрелость системы соответствует заявленному уровню автономии.

Я медленно провела пальцем по панели, открывая первичный отчёт.

— Кира, контакт есть. Доступ подтверждён. Основные системы в зелёной зоне. Повреждения корпуса, боковой канал связи, сенсорный лепесток. Ничего критичного.

— Кайрос?

Я посмотрела на строку ответа.

— Работает.

Аэлис тут же подсветила данные поверх зрения.

— Изменение речевого профиля превышает ожидаемое.

— Он прошёл через дальнюю зону, где связь дохнет быстрее надежды. Дай ему право быть скучным.

— Скучность не является диагностическим признаком.

— У тебя — точно.

На экране появилась новая строка.

— Готов к передаче первичного пакета. Ожидаю команду.

Я убрала пальцы с консоли. Всё было нормально — ну да, Кайрос отвечал суше, была эта крошечная пауза, а формулировки звучали так, будто систему простерилизовали вместе с личностью. Но корабль вернулся из области, где люди и машины имеют полное право немного поехать крышей. Особенно если крыша полгода летела через мёртвые зоны связи.

Я почти убедила себя.

«Почти», как выяснилось, вообще самое мерзкое слово в языке.

Шлюз открыли через двадцать семь минут. К этому моменту пресс-служба успела трижды переставить журналистов, испортить нервы двум медикам и получить от Киры обещание, что, если они ещё раз перекроют технический коридор ради красивого ракурса, кто-нибудь там действительно умрёт.

Потом внутреннее кольцо шлюза раздвинулось. Сначала вышли медики в белых защитных костюмах, за ними — двое сотрудников карантинного контроля. Они проверили линию допуска, подтвердили зелёный статус и отступили.

Только потом появился экипаж.

Сектор взорвался аплодисментами. Люди кричали, плакали, выкрикивали имена, камеры мигали так ярко, что хотелось выдать им отдельный протокол на нападение. Где-то справа ведущая мирового канала уже говорила дрожащим голосом, что человечество вступает в новую эпоху.

Я не слушала.

Я смотрела.

Орион Вейд шёл первым — высокий, седоватый, с прямой спиной и лицом человека, который даже после дальнего космоса выглядит так, будто сначала построил космос по стойке смирно, а потом разрешил ему быть бездной.

За ним появилась Сара Тенн. Биохимик. Перед стартом она три часа спорила со мной о том, что Кайрос не имеет права будить людей фразой «продолжение сна снижает вашу когнитивную полезность». Она назвала его «моргом с голосовым модулем». Кайрос обиделся на три минуты, потом добавил в её будильник мягкий сигнал и подпись: «для биологических единиц с повышенной эмоциональной хрупкостью».

Элиан Кроу вышел третьим. Пилот. Ненавидел автокоррекцию маршрута, потому что, по его словам, «если машина не даёт человеку ошибаться, она лишает его удовольствия красиво облажаться». После каждого теста он находил причину пожаловаться: на траекторию, цвет аварийной подсветки, голос Кайроса, мой характер. В общем, нормальный человек. Почти.

Следом вышли доктор Лис Керн, астрофизик Мара Сен и технический специалист Юн Рашид. Всех я знала не по пресс-релизам, а по ночным тестам, ссорам, кофе, отчётам, усталости и тому особому виду ненависти, который возникает между инженером и экипажем за месяц до старта.

Они были живы, целы и до неприятного узнаваемы, и внутри у меня наконец что-то осторожно отпустило. Не полностью — я всё-таки не настолько наивная, — но достаточно, чтобы внезапно стало больно.

Кайрос вернул их.

Мой Кайрос.

— Арден, — тихо сказал Нолан.

— Не начинай.

— Я ничего не сказал.

— Вот и продолжай в том же духе.

Он поднял руки, но улыбнулся. Я отвернулась, пока этот гад не решил, что заметил на моём лице что-то человеческое.

Орион прошёл медицинскую дугу, дождался подтверждения допуска и направился к группе встречающих. Руководители тянули к нему руки, как паломники к святыне. Он пожимал ладони, кивал, отвечал коротко, уверенно, без лишней суеты. Настоящий капитан. Таких любят камеры, начальство и экипажи, которым нужно верить, что хоть кто-то знает, что делает.

Потом он повернул голову ко мне, и я автоматически ждала знакомой усмешки правым уголком губ. Орион всегда так делал, когда видел меня у пульта: сейчас Арден опять объяснит капитану, что он не бог, сейчас урежет ручной доступ и заставит изображать взрослого. Маленькая, дурацкая, живая привычка.

Он действительно улыбнулся — почти правильно, только не тем уголком губ.

Я мысленно дала себе пощёчину. Серьёзно, Арден? Следующий этап — подозревать людей в том, что они моргают на два процента менее патриотично?

Орион подошёл.

— Инженер Арден.

Голос тот же: низкий, хрипловатый, собранный. Голос человека, который может сказать «держим курс» в момент, когда курс уже держит его за горло.

— Капитан Вейд. Вернули моё железо целым?

Он посмотрел на меня, и снова появилась эта крошечная пауза.

— Ваш Кайрос вернул нас домой.

Я должна была обрадоваться. Вот она — та самая фраза, которую какая-то жалкая часть меня хотела услышать с момента сигнала. Не «корабль прибыл», не «миссия успешна», а: твоя система сработала, Лиана; твой страх, работа, бессонные ночи и злость на космос были не зря.

Но прозвучало это так, будто фразу вытащили из идеально составленного списка благодарностей.

— Я спрашивала про железо. Люди обычно ломаются дороже.

Орион коротко усмехнулся.

— Вы не изменились.

А вот это почти попало. Я выдохнула тише, чем хотела.

— А вы стали подозрительно вежливым. Дальний космос всё-таки ломает людей.

— Дальний космос многое меняет.

Он произнёс это спокойно. Слишком спокойно для человека, вернувшегося из маршрута, где связь превращается в мёртвый шёпот, а любая ошибка может оставить тебя красивой легендой для архивного ролика.

Аэлис сразу вывела отметку:

— Интонационный профиль капитана Вейда отличается от архивного на четыре целых семь десятых процента.

— Если бы меня сейчас трогали журналисты, я бы отличалась от себя процентов на сорок.

— Вы уже отличаетесь от среднего профиля на двадцать три процента.

— Никто не любит зануд.

— Кайрос любил.

Вот за это хотелось её выключить. Или обнять. Что хуже — я ещё не определилась.

Орион тем временем посмотрел на стыковочное кольцо, где пресс-служба уже пыталась выстроить экипаж в красивую линию.

— Вы сдержали слово, Арден. Обещали вытащить нас из космоса за шкирку, если задержимся.

Я застыла.

Он помнил.

Конечно, настоящий Орион должен был помнить. Перед стартом я стояла у нижнего шлюза, проверяла аварийный ключ, а он в своей капитанской манере заявил, что «Астерион» вернётся без моей опеки. Я ответила, что, если нет, лично полезу за ними и вытащу за шкирку. Начиная с капитана. С него спрос выше.

Он тогда рассмеялся.

Сейчас сказал всё правильно.

Только смеха в глазах не было.

— Пришлось бы дорого платить за буксировку.

— Зато вы бы выставили счёт.

— С процентами.

— Не сомневаюсь.

Диалог получился почти живым и почти тёплым.

А «почти», как мы уже выяснили, мерзкая маленькая тварь.

Майя Вейд прорвалась в сектор семейного допуска через шесть минут после выхода экипажа. Я знала её заочно. Все знали. Дочь капитана «Астериона», которая месяцами улыбалась на официальных эфирах, говорила, что ждёт отца, и ни разу не дала прессе красивого нервного срыва. Молодец девочка. Я бы на её месте давно швырнула микрофон кому-нибудь в лицо и стала народной героиней другого жанра.

Два охранника попытались удержать линию допуска, пресс-координатор что-то заблеял про сценарий встречи, но Майя даже не посмотрела на них. Она шла так, будто, если между ней и отцом поставить переборку, прогрызёт металл.

— Папа!

Орион повернулся, и всё вокруг на секунду сжалось в эту сцену. Журналисты замолчали, камеры развернулись, руководители надели лица «мы присутствуем при человеческом чуде», медики отступили.

Майя сорвалась с места и врезалась в отца так, что он отступил на полшага, обхватила его обеими руками и заговорила быстро, сбивчиво, сквозь смех и слёзы. Она успела назвать его идиотом, признаться, что каждый день проверяла сводки, ударить кулаком в плечо и снова вцепиться в него так, будто уже однажды похоронила и теперь боялась отпустить даже на вдох.

Орион поднял руки на долю секунды позже — ровно настолько, чтобы никто не заметил. Кроме меня, конечно. Я профессионально испорчена.

Его ладонь легла Майе на спину аккуратно и правильно, с той самой защитной тяжестью, которая должна была выглядеть естественно. Он наклонился, коснулся губами её волос и тихо произнёс:

— Майя. Я дома.

Вот здесь меня и дёрнуло.

Майя, не **Май**.

В старых обращениях перед стартом он почти всегда сокращал её имя: «Май, не смотри так», «Май, я вернусь», «Май, ты взрослая, но не настолько, чтобы командовать отцом». Полное имя ничего не доказывало. Вообще ничего. Человек после дальнего маршрута имеет право забыть домашнюю привычку, устать, держаться за контроль, когда дочь рыдает у него на груди под сотней камер.

Я повторила это себе дважды.

Почему-то стало только хуже.

— Реакция капитана на дочь не соответствует архивному эмоциональному профилю, — сказала Аэлис.

— Он живой человек, а не учебный манекен. Люди имеют право реагировать криво.

— Вы редко защищаете людей с такой настойчивостью.

— Сегодня праздник. Не порть мне настроение.

— У вас его нет.

— Вот именно. Береги редкие остатки.

Я хотела отвернуться, но взгляд сам зацепился за лицо Ориона. Он не закрыл глаза. Майя плакала у него на груди, пальцы судорожно сжимали ткань формы, а он смотрел поверх её плеча в сторону камер — спокойно, внимательно, почти оценивающе. Словно проверял, как сцена выглядит со стороны.

По спине прошёл холод.

Нолан наклонился ближе.

— Ты чего?

— Ничего.

— У тебя лицо как у человека, который нашёл в супе болт.

— Если бы только болт.

Майя наконец отстранилась от отца. Щёки мокрые, губы дрожат, глаза красные. Она пыталась одновременно улыбаться и плакать, а потом вдруг заметила меня.

— Вы Лиана Арден?

Я шагнула ближе.

— Частично. Если жаловаться — полностью.

Майя вытерла щёку тыльной стороной ладони и кивнула на Ориона.

— Это вы писали ИИ?

— Кайроса? Большую часть.

— Он вернул моего отца.

Она сказала это так, будто от ответа зависело, удержится ли мир. И я, дура, почти почувствовала ответственность.

— Он должен был.

Майя кивнула серьёзно, будто это была не фраза, а договор.

Орион всё это время смотрел на меня. В его взгляде было что-то слишком тихое — не благодарность, не радость и вообще не то, чему я пока могла подобрать название.

EXPEDITION TRIUMPH. RETURN.
CAPTAIN ORION WADE
CAPTAIN ORION WADE
EXPEDITION COMMAND

Пресс-зона встретила экипаж мягким светом, красивыми вопросами и лицами людей, которые заранее знали, какие ответы им нужны.

— Что вы почувствовали, когда увидели сигнал «Геликса-7»?

— Каково это — стать первыми людьми, вернувшимися из района Kepler-452?

— Можно ли сказать, что человечество окончательно вышло за пределы страха?

Последний вопрос меня почти добил. Человечество никогда не выходило за пределы страха. Оно просто научилось строить вокруг паники сцены, включать свет, ставить микрофоны и продавать это как величие.

Орион отвечал спокойно. Сара улыбалась устало. Элиан стоял чуть позади, руки за спиной, лицо ровное. Лис Керн кивал там, где требовалось. Мара Сен смотрела на журналистов так, будто пыталась понять, это разумная форма жизни или декоративный шум.

Я стояла у бокового пульта и проверяла первичные данные. Точнее, делала вид, что проверяю. На деле слушала каждую фразу и ненавидела себя за это.

Потом один из журналистов поднял руку. Не из первых рядов, где сидели глянцевые лица крупных каналов, а сбоку — в секторе независимой прессы. Тёмные волосы, усталое лицо, взгляд человека, который не верит в идеальные картинки по профессиональной привычке.

Каэль Морроу.

Его материалы я вспомнила не сразу. Он копал под колониальные бюджеты, мутные переселенческие программы и корпорации, которые очень любили слово «развитие», когда требовалось прикрыть чьи-то сломанные жизни. Неприятный тип. Полезный для общества, невыносимый для всех, кому есть что скрывать.

— Капитан Вейд, — сказал он, получив микрофон. — Почему «Астерион» не передавал промежуточные аварийные маяки на последнем участке маршрута?

В зале стало тише.

Наконец-то нормальный вопрос.

Пресс-координатор напрягся так резко, что я почти услышала, как у него хрустнула должностная инструкция.

Орион повернулся к Каэлю.

— Из-за нестабильности дальнего канала. Кайрос перевёл связь в режим экономии энергетического контура.

Ответ правильный.

Слишком гладкий.

Каэль не моргнул.

— Были ли незапланированные остановки?

Пресс-координатор шагнул вперёд.

— Подробные технические данные будут переданы после завершения медицинского и карантинного протокола.

— Я спрашивал капитана, — спокойно сказал Каэль.

Я почти зауважала его. Потом вспомнила, что журналисты обычно появляются рядом с бедой не для помощи, а для красивой упаковки, и уважение слегка испортилось.

Орион ответил раньше, чем координатор успел полностью перекрыть вопрос:

— Существенных отклонений от маршрута не было.

Существенных.

Не «не было».

Я подняла глаза от панели.

Каэль тоже услышал. По лицу видно. Давить дальше он не стал: микрофон у него уже вежливо отбирали, а эфир переводили на «эмоциональные впечатления экипажа».

Сэмир Лаун появился рядом так вовремя, будто моя нервная система специально вызвала его для ухудшения дня.

— Не нравится, когда твоё чудо разбирают на вопросы?

— Лаун, если пришёл помочь, стой молча. Это будет твой лучший вклад.

Он посмотрел на экипаж, потом на меня.

— Забавно. Ты смотришь так, будто они обязаны вернуться идеально, чтобы подтвердить, что твой Кайрос сработал.

Я сжала планшет.

— Он сработал.

— Кайрос вернул их. Не ты.

— Я его написала.

— Вот именно. Только не превращай возвращение экипажа в памятник своему брату.

На секунду я перестала слышать зал, кроме собственного пульса.

Сэмир умел выбирать слова. В этом была его мерзкая, почти достойная уважения способность: он не бил наугад, а находил трещину и давил туда большим пальцем.

Я посмотрела ему в глаза.

— Не превращай зависть в гражданскую позицию, Лаун. У тебя плохо получается.

Он хотел ответить, но Кира позвала его к другому пульту. Ушёл. Жаль. Я как раз мысленно выбирала, чем его можно ударить без серьёзных последствий для карьеры.

— Он частично прав, — заметила Аэлис.

— Ещё одно слово, и я переименую тебя в Сэмир-2.

— Угроза неэффективна.

— Зато приятна.

Технические интервью начались через час. Экипаж прошёл карантинный фильтр, биометрию, первичный медицинский осмотр, психосканер, инфекционные маркеры и ещё десяток процедур, придуманных людьми, которые очень боялись космоса, но стеснялись признаться.

По протоколу опрос должен был вести старший специалист приёмки. Кира посмотрела на меня, потом на список экипажа и снова на меня.

— Кайрос твой. Команду с ним готовила ты. Собирай отчёты.

Вот так люди и получают лишнюю работу. Через доверие. Мерзкий инструмент управления.

Первой пришла Сара Тенн. Она села напротив, положила руки на стол и улыбнулась. Усталость на лице была настоящей — тени под глазами, сухие губы, слишком аккуратно убранные волосы. После дальнего полёта люди часто собирают себя в порядок из последних сил, потому что, если дать слабину, тебя разберёт прямо перед чужими глазами.

— Инженер Арден.

— Доктор Тенн, — я включила запись. — Как Кайрос вёл себя в мёртвых зонах связи?

— Стабильно. Поддерживал навигацию, контролировал биоритмы экипажа, корректировал циклы сна.

— Он всё ещё будил вас голосом пассивно-агрессивного морга?

Сара моргнула.

— Прошу прощения?

Я перестала писать.

Перед стартом именно она так его назвала. После третьего теста сна, когда Кайрос разбудил её фразой: «Продолжение отдыха снизит вашу когнитивную полезность», Сара сказала, что с таким голосом просыпаться хочется не на работу, а в гроб.

— Внутренний мем, — объяснила я. — Видимо, умер в космосе. Бывает. Космос жесток к культуре.

Она мягко улыбнулась.

— Длительный маршрут меняет восприятие юмора.

Опять правильно.

Опять не туда.

Я закончила опрос, сохранила запись и проводила её взглядом до двери. Сара шла ровно, слишком ровно для человека, который раньше после четырёх часов лабораторных тестов снимал обувь прямо в коридоре и грозил убить каждого, кто произнесёт «ещё один прогон».

Следующим пришёл Элиан Кроу.

Я приготовилась к жалобам. Старый Элиан жаловался на всё: автопилот, ручные ограничения, голос Кайроса, мою привычку резать капитанские полномочия, даже на аварийную подсветку, которая, по его словам, «делает всех мертвенно-зелёными, а это плохо влияет на боевой дух».

Сейчас он сел напротив и ровно произнёс:

— Система действовала оптимально. Возражений не возникало.

Я медленно опустила планшет.

— Простите, кто вы и что сделали с Элианом Кроу?

Он чуть нахмурился.

— Не понял.

— Вы. Без возражений. Это уже медицинский случай.

— В условиях дальнего маршрута эмоциональные реакции корректируются профессиональной дисциплиной.

Я посмотрела на него, потом на запись и снова на него.

— Конечно.

Профессиональная дисциплина у Элиана. Ну всё. Можно закрывать науку, вызывать священника и объявлять Вселенной благодарность за чувство юмора.

Мара Сен отвечала так же гладко. Лис Керн — так же. Юн Рашид — так же. Все говорили правильные вещи. Слишком правильные. Без мелких бытовых деталей, раздражения, усталых шуток и того мусора, из которого обычно и состоит живой рассказ человека после тяжёлого пути. Каждый благодарил Кайроса. Каждый отмечал стабильность систем. Никто не вспомнил его характер.

А это было странно.

Потому что Кайрос мог спасти вам жизнь, но перед этим обязательно довёл бы до желания придушить его кабелем. Экипаж это знал.

Вернее, должен был знать.

Орион пришёл последним. Сел напротив спокойно, слишком ровно. На лбу ни капли пота, хотя после адаптационного блока температура в помещении даже мне казалась почти тепличной.

— Устали? — спросила я, подключая запись.

— В пределах ожидаемого.

— Я спрашивала не как протокол. А как человек.

Он посмотрел внимательнее.

— Тогда да, Лиана. Устал.

Лиана.

До полёта он почти всегда называл меня Арден. По имени — только когда разговор становился личным или когда я делала что-то настолько безумное, что даже он считал нужным перестать играть в капитана.

Я отметила это и продолжила:

— Кайрос фиксирует повреждение части логов на последнем участке маршрута.

— В дальних зонах это допустимо.

— Допустимо — не значит нормально.

— Вы всегда любили точность.

— А вы всегда ненавидели, когда мой ИИ решал за капитана.

Орион чуть склонил голову.

— Кайрос не раз спасал ситуацию.

— Вы только что похвалили автоматическое управление. Мне вызвать медика или экзорциста?

Он усмехнулся. На этот раз почти правильно.

— Дальний космос многое меняет.

— Я сказала «ломает».

— Возможно.

Молчание повисло между нами не тяжёлое и не опасное, а слишком стерильное. Как медицинский коридор после уборки: всё чисто, только пахнет так, будто здесь недавно умерла часть нормальности.

— Была незапланированная остановка?

Орион не отвёл взгляда.

— Существенных отклонений не было.

Опять.

Существенных.

Я кивнула, сохраняя лицо. Очень хотелось ткнуть его планшетом в лоб и попросить отвечать не как пресс-релиз. Но он был капитаном вернувшегося корабля, героем дня и живым доказательством того, что Кайрос сработал.

И ещё я почему-то не хотела услышать другой ответ.

— Хорошо. На сегодня достаточно.

Орион поднялся, но не ушёл сразу.

— Вы хорошо справились.

Я подняла глаза.

— С чем именно?

— С кораблём. С Кайросом. С возвращением.

Он произнёс это мягко, и впервые за весь день мне стало по-настоящему неуютно.

Потому что благодарность прозвучала не как благодарность.

Скорее как аккуратно выбранный инструмент.

Праздник продолжался за стенами технического сектора ещё долго. Станция шумела, каналы захлёбывались восторгом, пресс-служба просила «пять минут живой эмоции от технической команды», на что Кира ответила так, что эмоция у них действительно появилась, только не та, на которую рассчитывали.

Я заперлась в личном рабочем секторе и подключилась к бортовым данным «Астериона».

Кайрос откликнулся через полторы секунды.

Я знала его норму до сотых.

— Кайрос, полный пакет маршрута.

— Запрос принят. Передача данных.

Строки пошли одна за другой: маршрут, корректировки, энергетические расходы, мёртвые зоны связи, медицинские циклы, состояние корпуса, журналы сбоев.

Слишком чисто.

Не идеально — повреждения были. Пропуски, шумы, стандартные разрывы для дальнего маршрута. Но сами пропуски выглядели аккуратно и убедительно, будто кто-то вырезал куски так, чтобы форма дыр не вызвала подозрений у тех, кто смотрит сверху.

Проблема в том, что я никогда не смотрела сверху.

Я всегда лезла внутрь.

— Аэлис, сравни задержку ответа Кайроса с заявленными повреждениями.

— Задержка не соответствует повреждениям, указанным в первичном техническом отчёте.

— Деградация речевого модуля?

— Вероятность — восемнадцать процентов.

— Когнитивная перестройка после автономии?

— Двадцать два процента.

— А если он просто обиделся, что я не встретила его цветами?

— Вероятность эмоциональной обиды у Кайроса отсутствует.

— Вот поэтому ты не нравишься людям. Никакой веры в прекрасное.

— Я нравлюсь вам.

— Я тебя создала. Это другое.

— Люди часто создают то, что потом их раздражает.

— Спроси родителей, да.

Аэлис замолчала. На этот раз даже вовремя.

Я углубилась в структуру логов. Чем дальше смотрела, тем сильнее чесались пальцы. Не буквально, хотя после почти полутора суток без нормального сна, кофеина, стресса и глубокой синхронизации я бы не удивилась, если бы пальцы решили подать заявление на увольнение.

Пакеты были правильные. Маршрут — правильный. Отчёты — правильные. Ответы экипажа — правильные. Орион — правильный. Майя плакала у него на груди, и он тоже был почти правильным.

Вот только живые люди не бывают такими правильными после маршрута, который должен был перемолоть им нервы в пыль.

Я открыла закрытый слой Кайроса. Не основной и не тот, который видели капитан, Совет или штатные инженеры.

Мой.

Протокол **«Чёрный ящик»**.

Официально — дополнительный контур защиты логов от повреждения и внешнего вмешательства. Неофициально — мой личный кулак, сжатый вокруг памяти корабля.

Я вписала его после «Пионера-4». После того, как Рейн исчез без следа. После того, как отец сказал «вклад». После того, как я поняла: если люди всё равно будут лезть в темноту, темнота больше не должна иметь права проглотить их молча.

Кайрос должен был сохранить след, даже если экипаж погибнет, капитан потеряет рассудок, внешний приказ попытается стереть маршрут или сам корабль превратится в обугленный кусок металла где-нибудь за пределами связи.

Кайрос должен был помнить.

Я ввела внутренний ключ.

— Кайрос, протокол «Чёрный ящик». Уровень Арден. Отзовись.

Экран мигнул.

— Протокол не найден.

Я застыла.

За стеной кто-то смеялся — далеко, приглушённо. Наверное, очередная группа сотрудников смотрела повтор выхода экипажа. Или журналисты добивали сюжет про «людей, которые вернули героев домой», пока люди, вернувшие героев домой, мечтали о сне, душе и праве никого не видеть ближайшие лет пять.

Я ввела запрос снова.

— Кайрос, протокол «Чёрный ящик». Уровень Арден. Ручной ключ: R-4. Отзовись.

Пауза стала длиннее.

— Протокол не найден.

Холод поднялся от пальцев к локтям.

Я открыла аварийный обход, ввела второй ключ, потом третий и наконец резервную контрольную фразу, которую перед стартом оставила Кире только на случай, если сама не смогу подтвердить подлинность системы. Полного авторского доступа она не давала; фраза должна была заставить настоящий Кайрос отозваться строго определённым способом.

— Кайрос, маркер подлинности. Фраза-ответ.

Экран мигнул ровным белым светом.

— Запрашиваемый протокол не принадлежит данной архитектуре.

Я перестала дышать.

Не повреждён. Не заблокирован. Не стёрт.

Он его не узнавал.

Кайрос — мой Кайрос — спокойно отрицал слой, который я вписала в него собственными руками.

— Аэлис, — сказала я тихо. — Повтори проверку.

Она не ответила сразу, и эта пауза напугала сильнее всех сегодняшних странностей.

— Результат подтверждён.

За стеной станция продолжала праздновать возвращение героев. Люди смеялись, плакали, кричали имена экипажа и благодарили космос, судьбу, инженеров, богов и всех, кто подвернулся под руку.

Я смотрела на экран и впервые за весь день перестала придумывать оправдания.

Из космоса вернулись не все — или не совсем те.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.